

Грачев Артем Юрьевич

ОРУЖИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ

На материале письменных и археологических источников рассматриваются место и роль оружия в культуре Средневековой Руси. Оружие являлось важнейшим статусным атрибутом воина, ему приписывалось сакральное значение. Оно было символом чести, гарантом принесенной клятвы - особенно это относится к мечу. После принятия христианства оружие сохранило старое значение, а также приобрело новое - стало атрибутом защитника веры. В отличие от Западной Европы, где лишь меч считался привилегированным оружием, на Руси важная роль в воинской культуре отводилась также топору.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/4-2/16.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 4 (54): в 2-х ч. Ч. II. С. 66-69. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

5. Ладов В. А. Загадка интенциональности. Brentano и Гуссерль [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000736/index.shtml> (дата обращения: 25.11.2014).
6. Ландгребе Л. Интенциональность у Гуссерля и Brentano [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 2. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_02/04.htm (дата обращения: 01.12.2014).
7. Молчанов В. И. Две лекции о Brentano // Логос. 2002. № 1. С. 46-67.
8. Мюнх Д. Intentionale Inexistenz у Brentano / пер. с нем. Р. А. Громова [Электронный ресурс] // Логос. 2002. № 1. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/number/2002_01/06.htm (дата обращения: 01.12.2014).
9. Чизолм Ф. Формальная структура интенциональности: метафизическое исследование // Логос. 2002. № 2. С. 40-46.
10. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение: историческое введение / пер. с англ. М.: Логос, 2002. 680 с.
11. Hamilton W. Lectures on Metaphysics and Logic. William Blackwood and Sons, 1861. Vol. 1. 424 p.

ONTOLOGICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF INTENTIONAL AS KEY ATTRIBUTE OF CONSCIOUSNESS IN PHILOSOPHY BY F. BRENTANO

Goncharov Nikolai Vladimirovich
Orenburg State University
nik567485@mail.ru

The article analyzes the problems of intentional as an authentic feature of consciousness (psychic phenomena) manifesting itself in the modus of mental projection, which correlates with material objectness. The author focuses on the problem of the distilled definition of intentional on the basis of the differentiation of psychic and physical phenomena in philosophy by F. Brentano in the context of the identification of the ontological and methodological foundations of the intentionality of consciousness (psychic phenomena).

Key words and phrases: intentionality; intentional; mental; psychic phenomenon; consciousness; correlation of act of consciousness; intentional objectness; “immanent” object; conception; internal perception.

УДК 9:93

Исторические науки и археология

На материале письменных и археологических источников рассматриваются место и роль оружия в культуре Средневековой Руси. Оружие являлось важнейшим статусным атрибутом воина, ему приписывалось сакральное значение. Оно было символом чести, гарантом принесенной клятвы – особенно это относится к мечу. После принятия христианства оружие сохранило старое значение, а также приобрело новое – стало атрибутом защитника веры. В отличие от Западной Европы, где лишь меч считался привилегированным оружием, на Руси важная роль в воинской культуре отводилась также топору.

Ключевые слова и фразы: история России; военная история; военная культура; история ментальности; русская дружина.

Грачев Артем Юрьевич

Московский городской педагогический университет
Grachovau@gmail.com

ОРУЖИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ САКРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ[©]

Оружие – богатый и выразительный исторический источник по изучению истории Древней Руси. Его конструкция, материал, обработка, внешняя форма, клейма, украшения с необычайной наглядностью отражают не только технологическое мастерство, но и являются . одними из основных показателей культурного уровня наших далеких предков» [1, с. 3]. По богатству, полноте и качеству оружия определялся социальный статус человека, положение, которое он занимал в обществе, воинская должность или звание [4, с. 5].

Но в то же время оружие было не просто предметом материальной культуры. В восприятии человека Древней Руси предмет, способный изменить судьбу, защитить или же, наоборот, лишить человека жизни, не мог не приобрести определенных сакральных свойств.

Если не забежать вперед и все-таки сначала рассмотреть оружие с практической точки зрения, то мы увидим, что оно, оружие, в первую очередь – , рабочий инструмент профессионального воина. Именно от владения оружием и его технических характеристик зависела жизнь его хозяина. В период, когда технологические особенности не позволяли промышленное производство вооружения, оружие как предмет являлось значимой ценностью, воин на протяжении долгого времени сражался одним и тем же оружием и часто забирал его с собой в могилу или же предавал по наследству. Памятуя о постоянной связи воина со своим вооружением, можно предположить, что оружие как , инструмент профессионального воина-дружинника часто могло нести отпечаток его личности, получающей выражение в определенных сакральных свойствах.

В этом отношении очень интересен смежный нашему периоду скандинавский нарративный материал. Русь и Скандинавия имели тесные торговые, династические и военные связи, на службе у русских князей состояло множество дружинников-варягов: ...Скандинавия для нас – своего рода увеличительное стекло, при аккуратном обращении позволяющее исследовать, в частности, дружинный быт, дружинную идеологию предшествующей поры с высокой степенью достоверности, “выпячивающее” тенденции, слабо, слабо различимые по ранним источникам [10, с. 137]. Все это позволяет нам дополнить отечественный летописный материал фрагментами скандинавских саг. Один из показательных моментов – превращение оружия в проводник магической силы, позволяющей добиться победы в сражении:

... Руны победы, / коль ты к ней стремишься, / вырежи их / на меча рукояти / и дважды пометь / именем Тюра! [11, с. 285].

Тесная взаимосвязь воина с оружием как бы заставляла их, срastись: мы не представляем воина без оружия – его главного атрибута, и оружия – без его владельца.

Одним из наиболее интересных моментов, раскрывающих проблематику сакрализации оружия, является упоминание в русских источниках, а именно в Повести временных лет, дани, которую поляне должны были платить покорившим их хазарам: ...Сдумавше же поляне и вдаша от дыма меч, и несоша козаре ко князю своему и к старейшинам своим... [1]. Также очень интересна реакция хазарских мудрецов на собранную дань: ... Не добра дань, княже! Мы ся доискахом оружием одною стороною, рекше саблями, а сих оружие обоуду остро, рекше меч. Се имут имати дань на нас и на инех странах. Се же сбыться псе: не от своя воли рекоша, но от Божия повеления» [6, с. 16]. Таким образом, меч предстает перед нами не просто оружием, а, общественно-семейным символом [5, с. 111] полян, он как бы вступает в противоречие с другим предметом вооружения – саблей, вобравшей в себя символику кочевников. Меч приобретает сакральные функции, становясь прямым проводником Божьей воли, предметом, позволяющим прозревать истинное будущее, причем такой силы, что даже противники понимают это и заранее склоняют голову, предвидя поражение. Интересный материал мы находим, обратившись к изобразительным источникам, например, миниатюрам Радзивилловской летописи [7]. Стоит отметить, что если упоминание о дани хазарам относится в ПВЛ к недатированной самим книжником части, а значит, к событиям, произошедшим до IX века, то Радзивилловская летопись, напротив, датируется XV веком, что представляет еще больший интерес. В ней наглядно представлены события передачи дани хазарам. Далее мы находим изображения и других сцен: передачи меча, например, взятие болгарями Муром. Меч предстает перед нами не только как оружие, но получает определенный подтекст: оружие предстает перед нами в качестве символа свободы и независимости, чтобы показать свою зависимость, проигравший передает именно меч – оружие воина, потеря оружия, возможности защищаться, или добровольная передача его – символ насильственного или добровольного перехода в зависимость.

Интересно для нас и другое, не прямое назначение оружия – его роль как дипломатического и политического гаранта, а также возложенные в связи с этим на него сакральные функции.

В 907 г. между князем Олегом и императорами Львом и Александром был заключен договор, подкрепленный со стороны византийцев целованием креста. Со стороны Олега договор был подкреплен тремя клятвами: именами богов Перуна, Велеса и – что для нас наиболее интересно – , оружием своим. Рассматривая дальнейшие события и новые договоры, летописец подчеркивает, что договоры гарантированы не просто , словесем, но и , писанием, и клятвою твердою [1].

Клятва на , оружии упоминается в тексте летописи шесть раз, более подробно процедура клятвы раскрывается в соглашении между князем Игорем и Византией, где оговаривается наказание за нарушение договоренностей: , а иже преступит се от страны наша, ли крещен или некрещен, да не имут помощи от Бога, и да будет раб во весь век и в будущий, и да заколен будет своим оружием [6, с. 52]. Быть , заколенным собственным оружием призывает и клятва, данная Святославом императору Иоанну Цимисхию.

Таким образом, оружие предстает перед нами своеобразной высшей ценностью, сопоставимой и тождественной воинской чести, так как именно оружием клянутся первые русские князья. В то же время именно собственное оружие должно покарать нарушителя клятвы, стать своеобразным материальным проводником божественной воли, а значит предметом не только прозаическим, но и культовым. Созвучна с этими клятвами и скандинавская традиция – смерть от собственного оружия как кара за нарушение клятвы, оружие как проводник божественной воли. Все это – распространенные сюжеты, например, в . Речах Гримнира», где конунг Гейрред приказал схватить и посадить меж двух огромных костров своего гостя Гримнира, в образе которого явился Один, будучи разгневанным поступком конунга Гримнир предсказывает ему смерть: . Игт получит / мечом пораженного, / конец твой настал; / разгневаны дисы, / увидишь ты Одина, / коль смеешь – приблизься! [11, с. 215].

Предсказание тут же сбывается: меч выскальзывает из рук конунга, тот спотыкается, падает на него и умирает – и здесь меч предстает перед нами оружием правого божественного возмездия, а также своеобразным мериллом чести. Поправивший собственную честь человек, по сути, становится не достойным своего оружия, которое, будто обладая эквивалентом свободной воли, его и убивает. Часто не воин выбирал свое оружие, а оружие само выбирало для себя достойного его воина. Для примера можно обратиться к , Беовульф – англосаксонской эпической поэме, действие которой происходит в Скандинавии: главный герой произведения – Беовульф – вступает в бой с матерью Гренделя и понимает, что его оружие не может ей навредить, тогда он находит предназначенный ему меч, который ожидал его в доме Гренделя со времен великанов [Там же, с. 9].

Еще одним интересным аспектом сакрализации оружия является представление его в летописном тексте своеобразным этическим индикатором ценностных качеств человека. Во время переговоров императора

Иоанна Цимисхия и князя Святослава, по словам летописи, византийский император решает испытать князя и отправляет ему подарки: сначала дорогие ткани и золото, а затем оружие. Святослав равнодушно относится к первому подарку и просто приказывает его спрятать, уделив все свое внимание второму, чем, по словам летописца, вызывает испуганное одобрение греков: «Лют се муж хочет быти, яко имения не брежет, а оружие емлетъ [6, с. 50-51]. Данный эпизод представляет характерную аскетическую воинскую этику, в тот момент пока языческую, но в будущем нашедшую широкое отражение в период расцвета христианства на Руси. Воинская стезя, служение и своеобразный военный аскетизм, представленные в образе оружия, противопоставляются богатству и праздности, которые представлены в образе золота и дорогих тканей.

Помимо нарративных источников, позволяющих нам выявить формы сакрализации оружия, существуют и источники археологические, рассмотрев которые, можно выделить несколько интересных аспектов интересующей нас проблемы.

Интересно отметить, что практически все предметы в комплексе артефактов, связанных с христианскими древностями на Руси, относятся к дружинной культуре. Это во многом свидетельствует о постепенном проникновении христианской культуры в дружинную среду, еще со времен Святослава позиционирующую себя преимущественно как языческую. Интересным моментом в связи с этим становится приобретение традиционными предметами материальной культуры нового или видоизмененного старого сакрального подтекста, особенно нас интересует оружие, часто несущее на себе христианскую символику. Именно христианская символика и является своеобразным маркером изменившейся парадигмы. Восприятие оружия как проводника божественной воли, символа свободы и моральной оценочной шкалы остается и никуда не исчезает, происходит лишь своеобразная смена сюзеренитета — освящение оружия на службу христианскому Богу, которое как раз и находит отражение в украшении оружия христианской символикой. Такую символику мы встречаем на разнообразном оружии, некоторые украшения и распространение которого стоит рассмотреть подробнее.

Но прежде снова прибегнем к тексту летописи, описывающему народные волнения в Новгороде от 1071 года: «Сиць бе волхв встал при Глебе Новегороде; глаголетъ бо людем, творяся аки бог, и многы прельсти, мало не всего града, глаголашеть бо, яко проведе вся и хуля веру хрестьянскую... князь бо Глеб и дружина его идоша и стаха у епископа, а людье вси идоша за волхва. И бысть мятежь велик межи ими. Глеб же возма топор под скутом, приде к волхву и рече ему: “То веси ли, что утро хоцеть быти, и что ли до вечера?”. Он же рече: “Проведете вся”. И рече Глеб: “То веси ли, что ти хоцеть быти днесь?”. “Чюдеса велики створю”, рече. Глеб же, вынем топор, ростя и, паде мертв, и людье разидошася. Он же погыбе теломъ, и душею предавсѧ дьяволуѧ [Там же, с. 120-121].

В данном тексте мы видим оружие — топор — в руке князя Глеба, удар которым остановил новгородскую смуту. Мы уже упоминали о подобных сюжетах выше (оружие становится проводником божественной воли, а в данном случае защищает христианскую веру), помимо этого интерес вызывает то, какое именно оружие оказывается в руках у князя. Когда мы говорим о сакральных символах и оружии, мы представляем перед собой в первую очередь меч, топор же обычно, особенно если соотносить данные с Западной Европой, воспринимается как простое широко распространенное традиционное оружие, с сакральными смыслами никак не связанное. Однако именно топор как оружие на Руси получает наибольшую орнаментированность, насыщенную новыми христианскими символами. Топор во многом становится оружием культовым, исполненным сакральных смыслов. Например, по предположению П. Паульсена, после событий, произошедших в Новгороде в 1071 г., топорик князя Глеба, поразивший волхва, был всячески украшен и превращен в христианскую реликвию [12]. Археология предоставляет нам обширный военный инвентарь подобных топоров, инкрустированных христианскими символами, примером тому может служить так называемый симбирский топорик, украшенный львиными масками и процветшими кринами, окружающими дважды изображенный процветший крест. Другим примером уже более скромного украшения может послужить топор, найденный в Калихновщине (Северо-Восточное Причудье), на котором крестами была украшена металлическая полоса, служившая для усиления верхней части топора. Очень интересными для нас представляются находки двух топориков, найденных в западном притворе церкви великомученицы Параскевы Пятницы на Ярославовом Дворике в Новгороде. В данной находке нас интересуют не столько сами топоры, сколько то место, где они были найдены. Так, А. Мусин предполагает, что они могли в какой-то момент там находиться для создания литургических конструкций в алтаре» [5, с. 166]. Таким образом, топор представляется наиболее христианизированным оружием Древней Руси, впитывавшем в себя все новую христианскую символику и видоизмененные в этом контексте сакральные смыслы.

Несмотря на всю обширность и разнообразие форм и типов оружия, представленного нам посредством археологии, особняком среди них стоит оружие-символ Средневековья — меч.

Меч являлся характерным оружием феодальной знати. Развитие феодальной системы, как в Европе, так и на Руси, выдвинуло меч на первое место не только как главный вид оружия, но и как важный военный и государственный символ [9, с. 34]. В Западной Европе меч был принадлежностью при посвящении в рыцари и приобрел сакральное значение.

На территории Руси известно более сотни франкских мечей, что говорит об упомянутой нами выше большой ценности оружия в том контексте, что оно скорее передавалось по наследству, чем попадало в захоронения. Рукоять оружия часто украшалась геометрическими узорами, исполненными чернью и серебром. На Руси не известно украшение рукояти христианскими символами, но часто встречаются надписи на клинках. Зачастую это клейма производителей, но нас интересуют надписи сакрального характера. В качестве примера можно привести надпись на клинке меча, найденного возле села Монастырище Воронежской области:

NRED-CDLT [3], которую, если рассматривать первые буквы как начала латинских слов, можно перевести как молитву “*Nomine Redemptoris Domini – Christi Domini Ligni. Trinitas*”, что в русском эквиваленте звучит как «Во имя Искупителя – Господа и креста господина Христа. Троица», такие молитвенные надписи широко распространены в Европе и встречаются на Руси, что говорит об огромной значимости, передаваемой оружием. Теперь оружие становится проводником уже христианских ценностей правосудия и справедливости.

Отсутствие сакральных надписей на русском языке, скорее всего, обусловлено тем, что большинство сохранившихся клинков являются импортными. Например, 35 из них (что составляет 64% от всей материальной базы сохранившихся клинков этого периода) являются франкскими, о чем нам говорят их клейма [8, с. 223]. Таким образом, оружие продолжает исполнять свои сакральные функции согласно уже христианским традициям. Интересным представляется для нас вопрос, воспринимались ли воинами Древней Руси данные надписи на латинском языке именно в том христианском аспекте, который был вложен в них европейскими мастерами? Как и всегда, прямого источника, дающего ответ на этот вопрос, нет, но, если сопоставить косвенные данные, мы вполне сможем ответить. Если обратиться к количественному анализу предметов европейского импорта в Древней Руси XI-XV вв., то мы увидим, что из ста предметов более половины относятся к предметам, используемым в богослужении [2]. В то же время в храмовую архитектуру Древней Руси органично вписались и элементы европейского зодчества – к примеру, такие как перспективные порталы, аркатурно-колончатые фриз и другие характерные элементы. Мы вполне можем предположить, что осознанное использование элементов литургической культуры латинского обряда в столь важной для древнерусского человека духовной жизни свидетельствует в пользу того, что в Древней Руси понимали сакральное значение этих предметов, что может являться косвенным доказательством того, что такое понимание существовало и в отношении религиозных аббревиатур, нанесенных на оружие. С большой долей вероятности можно утверждать, что такое оружие воспринималось современниками как имеющее христианское значение и сакральный подтекст.

Подводя итог, мы видим, что археологические и письменные источники дают возможность обобщить значение и место оружия в культуре Древней Руси. Оружие было крайне важным атрибутом воина, воплощением его воинской чести, моральных качеств, а также служило гарантом соблюдения клятв. Первоначально являясь важнейшим элементом языческой дружинной культуры, оно впоследствии органично впитало в себя христианскую символику, став орудием защиты новой веры.

Список литературы

1. Арциховский А. В. Русское оружие X-XIII вв. // Доклады и сообщения Исторического факультета МГУ. М., 1946. Вып. 4. С. 3-17.
2. Даркевич В. П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе (X-XV вв.). М., 1966. 112 с.
3. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М., 1966. Вып. 1. Мечи и сабли. 143 с.
4. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. М. – Л., 1966. Вып. 2. 181 с.
5. Мусин А. Е. *Milites Christi* Древней Руси. СПб., 2005. 367 с.
6. *Повесть временных лет*. М. – Л., 1950. Ч. 1. 556 с.
7. *Радзивиловская летопись*: Текст. Исследование. Описание миниатюр / отв. ред. М. В. Кукушкина. СПб. – М.: Глагол; Искусство, 1994. Кн. 1-2. 415 с.
8. Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. 803 с.
9. Рыбаков Б. А. Русское военное искусство X-XIII вв. М., 1945. 379 с.
10. Хлевов А. А. Предвестники викингов. Северная Европа в VI-VIII вв. СПб., 2002. 335 с.
11. Шлапоберская С. Е. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1976. 653 с.
12. Paulsen P. *Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa*. Bonn, 1956. 340 S.

WEAPON AS ELEMENT OF SACRAL CULTURE OF OLD RUS

Grachev Artem Yur'evich

Moscow City Teacher Training University

Grachovau@gmail.com

By the material of written and archeological sources the article examines the place and role of weapon in the culture of Medieval Rus. Weapon was the most valuable status attribute of a warrior, a sacred meaning was assigned to it. It was a symbol of honour, the guarantor of oath – this applies especially to the sword. After adopting Christianity weapon preserved its old meaning and also acquired a new one – it became an attribute of the defender of faith. As opposed to Western Europe where only the sword was considered to be a privileged weapon, in Rus an important role in military culture was also assigned to the ax.

Key words and phrases: history of Russia; military history; military culture; history of mentality; the Russian armed force.